

Александра Михайлова

Рассказы ЧУДОВИЩ

18+

Александра Михайлова

Рассказы чудовищ

<https://litres.ru/74645108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чудовища... Они прячутся в тених, на чердаках, в кошмарах. Мы видели их в доброй сотне фильмов, в книгах, рассказывали о них сами страшилки в детстве. И казалось бы, что нового вообще можно о них рассказать? Но чудовища никогда не засыпали, только затаились, притихли в ожидании новой жертвы. А Тьма, великая и древняя, всё плетет и плетет новые кошмарные истории, все лепит новых монстров, проклятья.

Вас ждет Сшитый человек, который собрал себе тело из частей людей и теперь ищет душу;

Писатель, чьи кошмары становятся реальность;

Детский психолог, чей подопечный видит того же монстра, что приходил к ней самой.

И многое другое.

Приятного чтения.

Содержание

Ворон	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александра Михайлова

Рассказы чудовищ

Ворон

Писатель смотрел на Луну, такую яркую в ночном небе. Его белую королеву, прекрасную и далёкую, подругу и любимую. Адам ждал, когда Луна раскроет объятия, окутает прохладной тишиной и подарит ему ещё одну историю.

На прошлой неделе писатель презентовал сборник рассказов. Во время встречи с читателями в книжном магазине он вальяжно сидел в кресле и наслаждался всеобщим вниманием. Миловидная девушка спрашивала о работе над книгой и планах на будущую, о страхах в широком смысле и его личных фобиях. Группа читателей ловила каждое его слово, делала фотографии. Даже случайные покупатели откладывали желанные романы и подходили послушать. Адам был королём. Людских сердец и ночных кошмаров. Известный, обожаемый, богатый. Властелин, кумир, творец.

И последний вопрос – девушка поправила чёлку – Откуда вы берёте вдохновение? Про девочку, которая стала деревом или... – она заглянула в листок – Джиндлинд. Ну и имя, язык сломаешь! Воображаемый друг, который мстит за то, что его забыли. Как вы это придумываете?

Адам закинул ногу на ногу. Самый ненавистный вопрос. Вот уже 5 лет он пишет один рассказ за другим, даёт интервью, представляет книги. И на каждой такой встрече звучит одно и то же: «Откуда?».

А откуда вообще берутся страхи? Почему человек вдруг начинает бояться темноты, воды или птиц? Кошмары... Кошмары – это отдельный мир, и у каждого есть своя дверь в него. Одни остаются на пороге, а я открыл её нараспашку. Ну, или я просто на голову больной – улыбнулся и пожал плечами писатель.

Люди рассмеялись. Идиоты. Полуправда, едва ответившая на вопрос. Он ничего не придумывает. Даже не знает, о чём будет следующий рассказ. Это их с Луной маленький секрет.

Стул упал, когда знакомая девушка вскочила и, прикусив губу, ушла из книжного магазина. Никто её не заметил. А Адам блистал, наслаждаясь славой.

Он ничего не придумывает. Каждый описанный кошмар, все ужасы и смерти писатель видел своими глазами. И скоро увидит ещё одну.

Кажется, где-то внизу проехала машина. Прошла компания людей, унося с собой обрывок истории. Одно из окон многоэтажки озарил свет. Но всё это так далеко, так неважно. Даже если бы соседний дом загорелся, писатель бы этого не заметил. Он был во власти Луны. Её древней, прекрасной силы. Это странное и чудесное чувство. Будто во всём мире

только они вдвоём. Адам и его Луна. Не отрываясь от земли, он летит к ней. Чтобы слиться. Чтобы раствориться с ночью и забрать хотя бы крупицу мудрости его белой королевы.

Но в этот раз что-то было иначе. Будто Адам... Действительно мог коснуться её. словно за годы службы она наконец признала своего слугу и хочет наградить. Неужели она...

Луна «закрылась», как называл это Адам. Она осталась на небе, но больше не смотрела на писателя. Не пыталась коснуться его души, не искала секреты. И не раскрывала свои.

Адам задвинул балконное окно и поплёлся в спальню. Не включая свет, он снял халат и лёг в кровать. На тумбочке ждал ноутбук. Писатель закрыл глаза и постарался погрузиться в беспокойный сон.

Писатель стоял у высокого иссохшего дерева, на ветке которого сидел Ворон. Его давний знакомый и, даже в каком-то смысле, приятель. Чёрный, как дёготь, с острыми когтями и парой белых, сияющих глаз. Сейчас, ночью, они напоминали колкие звёзды. Этот Ворон был в каждом сне. Летал или прятался в тени, сидел, вцепившись коготками, и всегда наблюдал. Наслаждался жуткими представлениями, нарисованными кровью.

Вдруг Ворон взлетел и направился в глубь леса. Адам пошёл за ним. Они вышли на поляну и остановились у деревьев. Ворон сел на ветку, писатель встал у ствола, а перед ними развернулся праздник. Группа молодых людей пила и

веселилась. Их лица озаряли свет от костра и улыбки. Чуть позади – три большие цветастые палатки. Адам наблюдал за ними, запоминал детали. У брюнетки с пушистыми волосами были разрисованные вручную кеды. Парень с гитарой всё играл короткие, смешные песенки и смущенно поглядывал на неё. Блондинка и парень, высокий, спортивный, сидели в обнимку. А чуть в отдалении ото всех сидел парень со множеством колец и пил что-то из стеклянной бутылки. Адаму особенно запомнился череп в кольце на его среднем пальце.

Даже с завистью мужчина наблюдал за подростками. Как они из шуток и песен, мягких пледов и жареного зефира строили свой мир. Безопасный и счастливый. Пусть ночь скоро пройдёт, и всё же какая-то частичка останется с ними навсегда. На следующий день или через много лет кто-то из них закроет глаза, и память заботливо вернёт его сюда. И сердце этого человека согреется от пламени давно потухшего и одновременно вечного костра.

Только вот... Это сон Адама. Ещё одна жуткая история Луны, где «счастливое будущее» быстрая смерть.

Парень с кольцами швырнул бутылку в сухую траву. Это быстрое, небрежное движение никто не заметил. Необдуманный поступок, который обернёт их праздник в кошмар.

Друзья потушили костёр, убрали вещи и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по палаткам. Быстро, как бывает только во сне, начало всходить солнце, вместо нового дня неся погибель. Лучи нашли разбитую бутылку и, точ-

но через лупу, подожгли траву. Сначала пара искр и едва заметный дымок разожглись, перекинулись на кусты, затем на деревья. Построил подросткам ловушку.

Первым проснулся гитарист. Он вылез на полянку и сладко потянулся, но дернулся, заподозрив неладное. Из-за шока он только через несколько долгих секунд смог осознать, принять происходящее. А затем закричал во всё горло, принялся будить остальных. Они нехотя просыпались и проходили через тот же эмоциональный путь: сонливость, шок, паника.

Они кричали, бегали, пытались спастись. Собственно, как и все. Спортсмен достал телефон и пытался дозвониться до пожарных. Но его руки тряслись, связь была плохой, а огонь всё подбирался. Кто-то плакал. Кто-то кричал. Дрожал от страха или даже выливал воду из бутылки.

А Адам пытался запомнить как можно больше. Лица, искажённые страхом. Все бранные слова. Его единственным неудобством был уже густой, едкий дым, скрывающий детали. Упустить что-то будет обидно. Адам стоял и смотрел, как пятеро людей сгорают заживо.

Просто очередной кошмар. И прекрасный рассказ.

Только что-то было не так. Звуки были слишком реальными. Какими-то... Цепляющими? Ужасающими? Нет, глупость.

Адам смотрел, пока огонь не поглотил всё. И воздух, чёрный от дыма, взметнулся в небо, гонимый криками боли и страха. А там, вверху, сквозь дым летал Ворон, и крики лас-

кали его перья и дьявольскую душу.

Писатель проснулся и схватил компьютер. Открыл крышку, ввёл пароль, создал документ и выплеснул боль на бумагу. Он писал на одном дыхании, не забыв ни один жест, ни одну слезу, ни одну ноту этой дьявольской симфонии.

Когда Адам закончил, он быстро и тяжело дышал. Он обогнал сон, вывернул душу наизнанку, чувствуя себя дверью, через которую из тёмного, злого, того мира в наш вырвалась история. Однако, перечитав рассказ, писатель ничего не почувствовал. На листе чернели буквы, всего лишь текст, не рожающий жуткие образы. Все приёмы на своих местах, напряжение постепенно нарастало, в конце взрываясь. Но эмоций это не несло. Он описал страх, боль, ужас нерадивых студентов, но читая, едва за них переживаешь. Подумаешь, просто ещё несколько глупых смертей.

Чего-то не хватало. Об этом кричал и сам текст, и писательское нутро. Как днём должно быть солнце, так и в рассказе должно быть что-то ещё. Но что же это?

Писатель не знал. Хотя чувствовал, что скоро поймет.

А пока Адам встал и пошёл на кухню. Налил виски в стакан и взял сигареты. Вышел на балкон, сел в удобное плетёное кресло. Он пил и курил, думая, как исправить рассказ. Где найти это «нечто».

Такого никогда раньше не случалось. Он просто выплескивал свои сны, даже не редактировал. И это всегда было

именно то, что нужно. Но в этот раз что-то изменилось. И ночью, с Луной, Адам тоже почувствовал нечто новое.

Писатель чувствовал себя гадко, будто внутри него что-то сломалось. Словно шестерёнки, двадцать шесть лет исправно делающие свою работу, закрипели. Он щедро смазал механизм алкоголем. Он пил и курил, пока его моторчик не заработал снова.

Утро встретило писателя похмельем. Голова раскалывалась, во рту было сухо. Адам встал и поплёлся на кухню. Выпил воды, приходя в чувства. Затем сделал кофе и вышел на балкон, вновь закурил.

Днём, залитый солнцем, город был другим. Ночью он казался обособленным, каждый был заперт внутри себя, со своими страхами и мыслями-демонами. Днём же город снова был частью мира, и можно было сбежать к людям, спастись в работе от ночных гостей. Кто-то поливал цветы, варил кофе или ещё нежился в кровати.

Если бы писатель мог, то сделал бы ночь вечной. Демоны-мысли ему нравились больше, чем люди.

Адам вернулся в спальню и открыл ноутбук, перечитал текст. Но чуда не произошло. Рассказ остался таким, каким был ночью. Пустым. Скучным. Мёртвым. Писатель перечитал его ещё раз, и ещё, пытаясь найти пустоту. Только вот всё было на месте. Детали, приёмы, описания, любимые хитро-

сти. Не было только искры, что дарила жизнь. Не было души. А как дать эту искру, как создать душу, знал один только Бог.

Адам устало потёр лицо. Он встал и пошёл в кабинет, к тяжёлому большому столу, который несомненно стоял у каждого настоящего писателя. Значит, и он настоящий писатель. А там, в кабинете, на том самом столе лежало чёрное, как дёготь, перо.

Адам удивился. Как это возможно? Все окна плотно закрыты, двери тоже. Сам он его туда точно не мог положить. Так как? Писатель взял перо в руки. Вдруг гадкое чувство чего-то неправильного вспыхнуло с новой силой. Что-то внутри, ещё тёплое и светлое, что-то, что до сих пор любило её, хотело выкинуть, сжечь, избавиться от пера. Но писатель не мог. Не мог разжать руку. Не мог отпустить кусок тьмы в форме воронова пера. Он от чего-то знал, что даже если закроет перо в ящике стола, не избавится от него. Даже если сожжёт, в горке пепла останется перо, если, конечно, огонь решится его тронуть.

Запутавшись в мыслях, Адам положил перо в карман, оделся и вышел на улицу. Нужно было освежиться, подышать воздухом.

Солнце залило светом улицу, по которой горным ручьём текли разговоры. В этот тёплый выходной день многие вышли из домов и гуляли. Все шутили, смеялись, улыбались. Все были счастливы. Писателя от этого воротило. А ведь когда-то он сам мог гулять часами со своей возлюбленной. Мог

наслаждаться теплом и ещё одним днём, даже дешёвым кофе, который становился удивительно вкусным рядом с ней. Но её нет.

Адам шёл по торговой улице с кучей лавочек и магазинов, с салонами красоты и отделением банка. А ноги, предатели, сами вели его к книжной лавке. Нет, это был не магазин, не один из тех кусочков паззла гигантской империи «Читай-город» или «Лабиринт». Это была именно лавочка, даже лавчонка. Её держала добрая старушка, которая любила книги и прошлое. Здесь можно было найти потрёпанную книгу, явно бывшую в употреблении, и много других вещей с историей: турецкие стаканы, трубку или перьевую ручку. В детстве он обожал эту лавочку. Добрую страну чудес. Тогда Адам мечтал, что его рассказы тогда ещё добрые и светлые опубликуют и будут продавать здесь. Между «Тремя мушкетёрами», заботливо подписанными дедушкой, и хрустальным шаром. Конечно, сейчас Адам издал пару десятков сборников и романов. Все они улетели в «Читай-город» и «Лабиринт», но ни одна книга так и не попала в эту страну радости.

Адам остановился у витрины, заставленной книгами и старыми, угловатыми игрушками. В него в упор смотрело отражение, сверля взглядом. Сколько лет он уже видит этот недовольный взгляд? Будто писатель в чём-то виноват. Он просто смотрит на Луну и пишет. Пусть другие годами работают над одной историей, ломают головы, впустую тратят силы. Адам нашёл быстрый, лёгкий путь к мечте. И это до-

стижение, а не провал.

И вдруг он заметил в отражении лукавый огонёк. Может, это свет так преломился, но Адам увидел манящий оскал, а один глаз отражения дьявольски сверкнул. Писатель зажмурился, открыл глаза и сфокусировался. Там, в лавочке, на прилавке стояла стеклянная баночка. Именно она и подмигивала ему. Но как...

Любопытство или ещё какой чёрт заставил его зайти. Колокольчик оповестил хозяйку о приходе покупателя. Писатель прошёл к прилавку и посмотрел на баночку. Это оказалась чернильница с серебряными «струйками», оплетающими её.

И вдруг, посреди этой Богом забытой и пыльной лавчонки, Адам увидел в ней тот самый недостающий элемент. С ней картина наконец-то будет полной. Всё будет правильно. Что-то внутри, неприятное и чёрное, снова зашевелилось. Но писатель не обратил внимания. Он не отрывал глаз от чернильницы, пока доставал кошелёк. Пришла хозяйка лавчонки – улыбчивая старушка. Она завернула баночку в бумагу и подала писателю, тот оплатил и, сунув покупку в карман, быстро вышел.

Теперь всё будет хорошо. Он нашёл недостающую деталь. Теперь он сможет правильно написать рассказ. Теперь он оживёт.

Адам шёл домой счастливым, как вдруг услышал нечто неясное, точно из-под толщи воды мыслей.

...ша... звал кто-то.

Писатель обернулся и увидел вдали её. Ангела в нежно-голубом платье. Она шла к нему и тепло улыбалась. Её светлые волосы развивались на ветру, а глаза цвета летнего неба сияли. Она подошла к писателю и нежно-болезненно улыбнулась.

Привет.

Привет. Писатель пожал плечами, как делал каждый раз, когда нервничал. Ты... гуляешь?

Пополняла книжные запасы. Она тряхнула бумажным пакетом. А ты? Девушка смотрела с нежным интересом.

Да я... Адам сам не мог сказать, почему, но он чувствовал она не должна знать о чернильнице и спрятал стекляшку поглубже в карман, к вороньему перу. Гуляю. Ищу вдохновение для нового рассказа. Ну, знаешь, писательство... ему захотелось ударить себя по лбу. Вот как, по прошествии стольких лет, он может всё ещё запинаться, когда говорит с ней? Всё просто. Он всё ещё её любит.

Девушка рассмеялась, мелодично, прекрасно. Писатель подумал, что это самый прекрасный звук на свете, и он готов слушать его всю жизнь.

Не хочешь прогуляться до парка? Если ты не занят, конечно.

Одна часть писателя, та, что заставила поглубже спрятать чернильницу в кармане, шептала ему бежать домой, к рассказу, спастись от неё. Но другая, светлая и чистая, та, что

писала детские рассказы в далеком прошлом, ответила его губами:

Конечно.

И они пошли по аллее к парку. Удивительно, как может перевернуться мир, когда рядом с тобой нужный человек. До этого солнце его раздражало, оно светило слишком ярко, припекало до тошноты. Сейчас это самое солнце греет и Адам, как росток, тянулся к нему, расправлял крылья. Проходящие мимо люди бесили, их разговоры, как жужжание надоедливых насекомых, отвлекало, путало мысли. Сейчас же писатель чуть ли не умилялся смеху, обрывкам фраз, непонятным шуткам все эти отголоски чужих жизней показывают, насколько огромен их мир. И сам день, этот рабочий период огромной машины, представлялся ему временем возможностей и свершений. И всё это из-за неё.

Они дошли до парка и сели на их любимую лавочку под большой, старой яблоней, на которую любили залезать в детстве.

Ты... всё ещё пишешь мистику. неуверенно начала она.

Писатель кивнул.

Как раз работаю над новым рассказом.

И ты продолжаешь смотреть на Луну. Она запрокинула голову и посмотрела на Солнце. Писатель попытался повторить за девушкой, и не смог оно нещадно жгло глаза, и мужчина зажмурился.

Да.

Им обоим не хотелось продолжать тот давний спор, из-за которого они разошлись. Всё уже давно было сказано. И то, какой он талантливый писатель, и что ему совершенно не нужно искать вдохновения таким образом, и его ответ, что он не согласен пробираться через дебри труда, когда есть такой лёгкий и быстрый способ. А её аргументы, что он взял кредит, который не сможет выплатить, ему кажутся смешными.

Ясно. Она посмотрела на него. Я скучаю по тебе.

Я тоже. Он посмотрел ей в глаза и в них увидел пляски света, совсем как когда они воскресным утром готовили блинчики, а из телефона разливалась музыка. «Пикник» её любимая группа. Как он мешал ей готовить, а она кидала в него мукой.

Мы... можем попробовать снова. робко сказала она, почти спрашивая.

Я не люблю, когда меня контролируют.

И она опять засмеялась. Но теперь грустно и обреченно.

Смешно слышать это от писателя-мистика.

Пауза, болезненная тишина.

Что-то ведь случилось, да?

Нет. И я не хочу снова об этом говорить. Адам ответил более резко, чем собирался.

Ладно. Но она поняла. Она всегда всё понимала, видела суть, печальную правду. Глаза защипало, она едва сдерживалась, чтобы не заплакать.

И опять пауза. Это отвратительная пауза.

Она смотрела на него так странно. Так обречённо и грустно, будто он вот-вот исчезнет. Но Адам не мог понять, почему? Что значит этот взгляд? Отчего собираются слёзы?

Она встала и отряхнула платье.

Я пойду она отвернулась и начала уходить.

Да, мне тоже пора он встал.

Она шла по аллее. Её руки дернулись она хотела обнять себя за плечи, но не позволила себе. В какой-то момент она хотела обернуться, закричать во всё горло. Наброситься на него с кулаками, связать, если нужно. Но понимала, что уже поздно. Уже слишком поздно. И всё же...

Она обернулась и тихонько, почти шепотом сказала:

Позвони мне, когда... Пожалуйста, позвони мне.

Писатель кивнул.

Хорошо, когда закончу рассказ.

Она дернулась, как от удара, и пошла дальше.

Писатель вернулся домой и тут же побежал в кабинет, к письменному столу. Достал кипу бумаг, наполнил чернильницу, заточил перо. И начал писать.

Рассказ полился из него чёрной рекой. Как-только перо коснулось бумаги, он не останавливался, пока не поставил точку. Просто не мог. Он писал и писал, выпуская это наружу, освобождая, пуская в наш мир. И внутри него ликовало нечто чёрное, как эти чернила. писатель отдалённо чув-

ствовал, как это гадко. И всё равно не мог остановиться. Его сердце билось как после кошмара.

Рука дрожала, но, почти мистически, слова получались ровными. Адам писал и понимал, что так рассказ получается более цельным, правильным, живым. Те же слова теперь обретали свои истинный смысл.

Каждую написанную страницу он откладывал на широкий белый подоконник (на котором когда-то любила сидеть она и смотреть, как он пишет тогда ещё глупые, никчёмные детские рассказы, или рассказы о любви, или эти дрянные детективы). Что-то в сердце кольнуло от этой мысли, но он быстро её отогнал.

Вместе с тем, как высыхали чернила, прочнее закрепляясь на бумаге, набирало силы и что-то ещё. Что-то древнее и могущественное. Это что-то очнулось ото сна, на пробу сжало и разжало когтистую лапу, шевельнуло крыльями, мотнуло рогатой головой.

В Адаме разгорелась внутренняя борьба. Одна часть хотела сохранить эту рукопись в тайне, спрятать своё сокровище, чтобы никто, кроме него самого, не мог притронуться к нему. Другая же желала, чтобы это творение, его первый настоящий рассказ, увидел мир. Чтобы его держали в руках, изучали, чтобы он оплел читателей, как и самого писателя, пленил их, покори́л, поработил. И вторая мысль победила.

Писатель позвонил своему редактору и стал говорить о новом рассказе, на ходу придумывая, как убедит того издать

рукопись.

В трубке, к его удивлению, повисло молчание.

Адам, я понимаю, ты уже долго пишешь, перебрал много сюжетов, но... редактор тяжело вздохнул, подбирая слова ты не думаешь, что это слишком?

Что слишком? не понял писатель.

А ты включи новости.

Писатель сел на диван и включил телевизор. По первому же каналу он увидел, как над лесом кружат вертолеты. Сам лес сгорел, точно как было в его сне. Дальше кадр переместился на корреспондента, который с огромным микрофоном в руках ходил по пепелищу и рассказывал о происшествии.

Группа студентов отправилась в поход на летние каникулы, и, конечно, прихватила с собой алкоголь. Похоже, причиной пожара стала разбитая бутылка.

Писателя пробил холодный пот. Он узнал лес, обнимающуюся пару, точнее скелет единственное, что от них осталось узнал оплавленное, немного искаженное кольцо. Теперь череп скалился и смотрел прямо в глаза Адаму.

Сердце бешено забилося, писателя начало тошнить. Он вскочил и побежал в ванную, где его стошнило горькой желчью.

Как... как такое возможно? Он видел во сне, как они умерли, в каких позах, что у них было. И сейчас всё это в новостях. На секунду писателю показалось, что это чей-то

глупый розыгрыш. Липовый репортаж, который кто-то подстроил. Но писатель никому не говорил, над каким сюжетом сейчас работает. Да и не успели бы они подготовить всё так быстро.

Нет.

Это произошло на самом деле. Он видел во сне, как умирали реальные люди, он видел настоящую муку и их крики раздавались на самом деле. Писатель слышал их снова, с новой силой, так, будто они раздавались у него над ухом.

Он зажал уши руками.

Прекратите. Прекра...

Его снова вырвало.

Этого не может быть. И тем не менее это происходит на самом деле.

В какой-то момент писатель почувствовал на языке вкус пепла, он услышал запах дыма. Его трясло, как при лихорадке.

Это.

Происходит.

На.

Самом.

Деле.

Он не знал, сколько просидел так, выворачиваясь наизнанку, трясясь и слыша их крики. Может, целую вечность, может, год, а может, всего час.

Когда его наконец отпустило, Адам прополоскал рот и на

трясущихся ногах вышел в гостиную. Он снова достал коньяк и хорошенько выпил прямо из горла. Паника немного отступила, но всё равно ещё была. Пусть издалека, но он ещё слышал их крики, и руки тряслись.

Писатель понятия не имел, что делать дальше. Позвонить в полицию? Бред. Его даже не дослушают. Да и что они могут сделать? Ничего. И тут Адам вспомнил её. Как она попросила позвонить, когда... Она знала. Она знала. Писателя вскочил и достал телефон. Набрал выученный наизусть номер.

Трубку взяли после третьего гудка.

Алло.

Света! Ты видела новости?

Ты про пожар? Да... Боже, как это ужасно. Они ведь ещё дети!

Свет... я... послушай, я... ещё никогда слова не давались ему так тяжело. Словно ему затыкали рот и запихивали их обратно в глотку.

Ты видел это во сне, да? и вновь этот грустный тон, который он никак не мог прочитывать.

Да! Как ты...

Из трубки раздался вздох, и писатель почти увидел, как она качает головой, словно он глупый ребёнок.

Об этом я тебя и предупреждала. Ты правда думал, что это придёт просто так? Нет, милый, за это нужно платить.

Как?!

Своей душой, своей жизнью.

Бред! Какой бред!

Писатель сбросил вызов и опустился вниз по стене. Адам не хотел этого слышать. Всё эти глупости, суеверия. Или истины, донесённые сквозь время?

Что же делать... Он не знал. Только чувствовал, как всё глубже проваливается в зыбучие пески.

Но писатель отмахнулся от этих мыслей. Совпадение. Он повторял это слово, как мантру. А в ушах всё звенели крики.

Адам просидел так, пока за окном совсем не стемнело. И тогда он встал, влекомый своей белой королевой. Он вышел на балкон, всё ещё держа в руке полупустую бутылку коньяка, и посмотрел на Луну. Он смотрел и чувствовал, как крики наконец-то замолкают, как вкус пепла и это гадкое чувство в груди истончаются, тают, и наконец исчезают полностью. Исчезает всё, кроме Луны. Этого прекрасного, холодного ока Тьмы. И писателю вновь всё кажется таким правильным. И тонкий голос, который кричит ему сжечь рукописи, бежать к Свете, замолкает. И становится так легко, так просто. Так правильно.

Адам смотрел на Луну и наслаждался блаженной тишиной. Он смотрел, пока не напился лунным светом. И тогда пошел спать.

И снова сон. Адам бесплодным духом гуляет по родной улице. Писатель проходит мимо магазинов и идёт вверх, к дому возле парка. Он почти сразу узнаёт дорогу. Он сам шел

по ней бесчисленное количество раз. Знает каждый поворот, каждый куст, помнит, что из этого окна виден потрясающий закат. Ещё бы, ведь это дорога к её дому. Он поднимается к её квартире и заходит. Играла её любимая музыка. Он заглянул в гостиную. Может, она сейчас читает или рисует? Нет. Он находит её в спальне за большим столом. Обычно пустой, сейчас на нём располагались нитки, ножницы, перья, различные металлические украшения. А сама девушка склонилась на чем-то. Она плела ловец снов.

Даже сквозь сон сердце Адама кольнуло. Он прекрасно помнил, как в самом начале, когда он только начал смотреть на Луну, Света сплела ему этот сибирский амулет, чтобы он ловил его кошмары в свою шёлковую сеть. Он принял подарок, не веря, просто чтобы она не расстраивалась.

Тогда ему и правда не приснился сон. Но вместо благодарности писатель разозлился, сломал подарок. Тогда Света долго плакала, а он и не думал просить прощения. И вот она опять плетёт ловец снов. Снова хочет помочь. Даже после всего...

Света туго затягивала нити, чтобы ловец был прочнее. И когда она тянула нить, та порезала ей руку. Из ладони, сначала медленно, но всё гуще, быстрее расползалась кровавая линия. Несколько капель упало на нитки, тут же впитываясь. Девушка встала и пошла в ванную, открыла воду и поднесла руку под струю. А тем временем темные пятна на нитках все расползались, пропитывали их. Они всё ползли, разлива-

лись, тянулись, пока не окрасили все нити в чёрный. И тогда плетеная сеть начала натягиваться, точно что-то или кто-то пыталось вырваться из неё. Сеть всё тянулась и тянулась. В другой ситуации они бы давно порвались, но эти продолжали тянуться, а с нитей всё капали и капали черные сгустки. И тот, с той стороны, всё рвался и рвался.

Писатель смотрел на это и не мог отвести взгляд. Смутно он понимал, что это. Тот самый его кошмар, что так и не пришёл к нему во сне. Он попал в ловушку ловца снов и ждал своего часа. И вот сегодня, набравшись сил, он наконец-то вырвется из плена, и...

Нет. Нет, этого не может быть. Это всё глупый сон.

Адам впервые захотел проснуться. Но он не мог. Он почувствовал себя в плену. И всё, что он может бесплодным, безвольным духом наблюдать за страшной картиной.

Кошмар вырвался жутким монстром с когтями и клыкастой пастью, из которой стекала черная слюна. Его красные глаза горели гневом и искали свою жертву.

Света как раз закончила обрабатывать рану и вышла из ванной. Они увидели друг друга. На секунду оба замерли. Сердце девушки забилося как бешеное, а Кошмар шире раскрыл пасть. И тут они оба сорвались с места. Она забежала в гостиную и заперла дверь. Кошмар побежал за ней и начал ломать препятствие. Света изо всех сил навалилась на кресло и придвинула его к двери, строя баррикаду. Она бегала по комнате и выстраивала из вещей свою линию защиты. А

Кошмар всё рвался внутрь. Он то царапал дверь, то бился головой, и каждый раз та лишь чудом выдерживала. Девушка обернулась к балкону. Она может перебраться через него к соседям, может убежать на улицу.

Пару секунд в её глазах горела надежда, что она сможет спастись, сможет пережить этот кошмар. Её губы растянулись в безумной, облегченной улыбке. Но болезненно быстро эта радость пропала. Девушка заметила Ворона за окном. И опять Света увидела что-то глубже, самую суть. Она не спасётся. Она часть истории, и это должно произойти. Как каждый герой романа кусочек мозаики. В её глазах не было обиды, злобы, ненависти, не было даже страха. Только измученная любовь и грустная нежность. На её губах вновь была улыбка, но уже обречённая.

Света подошла к высокому книжному шкафу, на одной из полок которого стояла фотография. На ней они гуляли по парку. Прекрасный летний день. Они сделали большой круг, съели пончики с карамелью и зашли в книжный. Лучшее, самое счастливое воспоминание. Повинуясь внезапному порыву, она достала телефон и сделала снимок. Улыбки на нем были не такие широкие, какие привычно делать на фотографиях, не эти производные «Скажи сыр!». В тот момент никто не притворялся. Это было истинное счастье, увековеченное в фотографии. Она гладила стекло, на какую-то секунду переносясь из этого кошмара в тот прекрасный день. Она почти чувствовала на коже тепло, почти слышала запах пон-

чиков... Дрожащими руками поднесла фотографию к лицу и нежно поцеловала это счастье. Из глаз девушки потекли слезы, падая на стекло. Света опустилаcь на колени и обняла фотографию.

Она плакала так обреченно спокойно, что у Адама внутри всё сжалось. А затем произошло то, что вспороло его сердце лучше любого ножа. Она заговорила.

Я знаю, ты меня слышишь. И надеюсь, что хоть сейчас ты всё понял... Милый, я люблю тебя больше всего на свете. Прости, что не смогла спасти. Я должна была, но не смогла. Прости, любимый. Я так тебя люблю. Ты лучший человек в моей жизни. И пусть мы бы жили в небольшом доме и не были богаты, но ты бы писал добрые рассказы, а мы были бы счастливы. Я сразу поняла, чем всё это обернется. Я пыталась тебя спасти, но не смогла. Прости, прости меня... И теперь тебе придётся идти одному. Я лишь прошу...

А дальше белый шум. Её губы шевелились, но Адам не слышал слов. Он смотрел на любимую и чувствовал, как с каждым ударом кошмар всё ближе к своей жертве.

Наконец он ворвался в гостиную и накинулся на девушку. Он рвал её и терзал, а она всё так же обречённо-нежно улыбалась, и из глаз её текли слезы.

Писатель проснулся в холодном поту. Он вскочил и, едва осознавая себя, побежал в кабинет. Он писал и писал. Сам плакал, чувствуя, как боль раздирает изнутри, но не мог

остановиться. Он выплёскивал эту историю так же, как и сотни других.

Возможно, он всё ещё верил, что всё это не реально. Просто сон. Жуткий и страшный кошмар. И Адам писал своё горе, как обычный рассказ. Он надеялся, что это будет просто история, и запрещал себе думать иначе. Не хотел. Не мог поверить.

Адам писал, пока не дошел до точки. А потом ещё долго сидел и всматривался в чёрные закорючки. Одна его часть слепляла ему веки и клонила голову, чтобы писатель забылся в беспокойном сне. Это была та часть, что много лет назад уговорила его начать смотреть на Луну, та часть, что сделала его успешным. Та часть...

Писатель тряхнул головой, прогоняя мысли. Вспомнил кольцо. Нет. Он должен спешить. Адам вскочил и побежал в спальню. Надел первое, что попало под руку, и выбежал из дома. По улице, через парк. Быстрее, как можно быстрее. И плевать, что уже тяжело дышать, а ноги гудят. Адам продолжал бежать, гонимый страшным чувством. Ощущением неизбежного. Надеясь обогнать смерть.

Добежал до её дома, набрал код и открыл дверь подъезда. Взлетел по лестнице и подошёл к двери. Он искал в связке ключ. Когда они расстались и разъехались, Света дала ему ключ от своей квартиры. Тогда он не понял этот жест, но сейчас был за него очень благодарен.

Секунду помедлил. Ему было страшно. Адам чувствовал,

что там будет, но боялся, не хотел это признавать. Будто отказ изменит реальность, не позволит кошмару случиться.

Он глубоко вдохнул и выдохнул, дрожащей рукой вставил ключ в замочную скважину и повернул.

Адам вошел в квартиру. Было темно, и свет лился только из одной комнаты спальни. Он медленно зашел в комнату. Всё там было точно, как во сне. И на столе лежало два ловца снов. Один новый, который она плела, и старый с разорванными нитями и каплями крови.

Сердце сжалось и внутри всё похолодело от страха. Адам снова глубоко вздохнул и пошел к гостиной. Дверь была раскрыта. Даже в темноте были отчетливо видны царапины. Мебель, которой девушка баррикадировалась, была раскинута, когда Кошмар ворвался в комнату. А сама Света лежала, растерзанная на полу. Она обнимала залитую кровью рамку. На её губах застыла грустная улыбка, а у глаз ещё не высохли дорожки слёз.

Он медленно, как во сне, опустился на колени. Вытащил рамку из её ещё тёплых рук. Рубашкой стёр кровь с изображения. Посмотрел на фотографию. Боже, как он сейчас скукал по тому дню. Дрожащей рукой погладил её по светлым волосам. Наклонился и заключил её в объятия. Ему всё ещё не верилось, что это происходит на самом деле. И только сейчас, когда её руки не обняли его в ответ, а безжизненно лежали, он наконец осознал. Она умерла. Девушка, которую он любил больше жизни, лежит мертвая в его объятиях. Её

убила ревнивая Луна. Она умерла из-за него. Она умерла. И больше никогда не вернется.

Писатель заплакал. Он прижимал её к себе и выл от боли. Она больше никогда не улыбнётся ему, не приготовит блинчики, не потащить гулять. Она мертва. Из-за него.

Он не знал, сколько прошло времени. Он сидел с ней на руках, даже когда закончились слёзы, а из горла не вырывался задушенный вой. Он всё сидел и не знал, что делать дальше.

Мелькали какие-то смутные мысли о полиции и похоронах. Но что сможет сделать полиция?

Ничего. А похороны... Он знал, что не успеет сделать всё как надо.

Он не хотел её оставлять. Но он должен был. Он наконец понял.

Писатель встал и отнес её в кровать. Уложил её, будто она опять зачиталась допоздна, погладил по волосам и поцеловал в макушку. Он вышел из квартиры и закрыл дверь.

Дома писатель открыл бутылку коньяка и стал ждать. Он пил, обдумывая всё произошедшее, заново осмысляя события. Адам не мог поверить, что действительно был таких дураком. Как он мог не заметить, что попал в зыбучие пески и всё это время тонул? Жаль, что он понял всё слишком поздно.

Когда ночь затопила город и на небо триумфально вышла

полная Луна, писатель уже ждал её на балконе. Он выкурил целую пачку и осушил бутылку. Мир двоился. Но он смотрел на неё.

Это ты! Это всё ты! Ты...

Адам рычал в бессильной злобе и смотрел на неё. Утопал в ней. Наверное, уже в этот момент он понимал, что его ждёт.

Писатель смотрел на Луну, пока не утонул в ней, пока не напился ей, пока она полностью не поглотила его. А затем он пошёл спать. В кровати весь мир кружился в безумном вальсе, и писатель поставил одну ногу на пол. Старый, студенческий приём, спасший не одного дурака. Жаль, что Адаму это едва ли поможет.

Он как-то незаметно провалился в сон.

Писатель видел себя. Видел ещё школьником. Был солнечный день. Перемена. Он сидел за своей партой и писал в тетрадке с гоночной машинкой, а одноклассники облепили новенькую девочку, больше похожую на ангела. Её приглашали в компанию к более популярным ребятам, но она отказалась и села к нему.

Привет. Я Света. Что ты пишешь?

Парнишка сначала смутился, но всё же ответил.

Да так... историю одну.

Ого! А покажешь?

Она ещё не готова. писатель закрыл тетрадь.

Тогда... когда закончишь, дашь почитать?

Он посмотрел на неё. На эту удивительную девочку, с красотой которой могла сравниться только её доброта. Она улыбалась ему так тепло, что школьник не мог отказать.

Хорошо.

И затем, дома, она писала до поздней ночи, пока не закончил. А на следующий день, как и обещал, дал тетрадку Свете. Она читала историю на переменах и уроках, прикрываясь учебником.

Он тайком следил за ней, за её нежной улыбкой.

После школы она подошла к будущему писателю и вернула тетрадь, а те короткие слова, что она сказала, навсегда зажгли в нём огонь. Такие простые и такие важные слова:

Мне очень понравилось. Пожалуйста, напиши ещё.

И он писал. Писал каждый день и ночь. Писал для неё. Он передавал ей одну тетрадь за другой, и она читала каждую с неизменной нежной улыбкой. А потом, по дороге из школы, когда он провожал её, они говорили об историях, героях, их приключениях.

Как-то незаметно они начали держаться за руки, затем встречаться, потом поцеловались... Школа пролетела в один миг. Они разошлись в университеты. Она пошла в педагогический, он в литературный. И продолжали свою традицию: он присылал ей свои работы, она читала.

Затем закончилось и студенчество. Света устроилась учителем литературы и русского языка в их родную школу, а Саша, как его звали до того, как он взял псевдоним редактором

в журнал. Он решил, что теперь должен издаваться.

Писатель отправлял свои работы в издательства, но ответа всё не было. Он слал рукописи одну за другой, но была лишь тишина. Только когда они решились съехаться и уже обдумывали свадьбу, ему пришло письмо с просьбой не присылать больше свои работы. Они никуда не годятся.

В тот момент у Саши из-под ног ушла земля. Света его успокаивала, старалась поддержать, но он оттолкнул её и ушел. В ближайшем баре он топил своё горе в алкоголе. Но проблемы не тонули в нём, а, наоборот, поднимали внутри ещё больше горя. Когда он вышел покурить, то засмотрелся на Луну. Какой-то прохожий сказал ему:

Не смотри долго на эту дрянь. Кошмар приснится и смачно сплюнул на асфальт.

Но вместо предостережения писатель увидел в этом совет. В тот день он впервые смотрел на Луну так долго, куря одну сигарету за другой. Саша вернулся поздно ночью и сразу лёг спать.

И в пьяном бреду он увидел первый кошмар. Жуткий, даже отвратительный, но такой живой, интересный... И там был ворон. Он проснулся в холодном и тут же схватил компьютер. Впервые он не давил из себя рассказ, не сражался с белым листом за каждый абзац. История просто лилась из него словами, так легко и просто. Закончив, он сохранил документ, закрыл компьютер и вернулся в кровать, в сон без сновидения.

Утром, едва ли мучаясь от похмелья спасибо юности он перечитал рассказ. Тот был идеален.

Структура, сюжет, стиль, приёмы, персонажи... Всё было совершенно. Даже редактировать не было нужды. Писатель обрадовался. И на фоне этого счастья, где-то глубоко в душе, начало зарождаться что-то тёмное, нечто злое, что-то из того мира.

Он дал прочитать рассказ Свете, и та впервые читала без улыбки. Закончив, она подняла на него тяжелый грустный взгляд.

Это... Это ужасно. Пожалуйста, не пиши больше такого.

Она всё поняла ещё тогда. В первый же день. Хотела предупредить. Но он только разозлился. У него впервые получилось что-то стоящее, а она просит его больше не писать так! Нет, теперь, зная этот секрет, он от него не откажется.

Он начал каждую ночь смотреть на Луну, беспокойно спать и видеть кошмары, вскакивать в середине ведьминога часа и писать, высвобождать одну историю за другой в наш мир. И с каждым днем писатель чувствовал себя всё лучше и лучше. Уж этот сборник точно издадут. А Света с каждым днем смотрела на него всё печальнее и печальнее. Она снова и снова просила его перестать, вернуться к старым рассказам, а он, молодой и глупый, ругался с ней, злился и всё больше уходил от своего ангела к чертовке Луне.

Когда Саша написал два десятка рассказов и уже хотел отправить их в издательство то самое, что просило его больше

не писать, Света тихо начала разговор:

Если ты отправишь им это, они издадут его...

Да, я в этом уверен!

... Но тогда я уйду от тебя. Выбирай, я или... это.

Он встретился с ней глазами. В них было столько боли и грусти. Но это не нашло отклик в его сердце. Смотря ей в глаза, он нажал «Отправить».

Издательство быстро ответило ему и сказала, что с радостью напечатает. И к моменту, когда Адаму прислали его экземпляр сборника, Света уже собрала вещи и ушла.

А он продолжил писать. Каждый день смотрел на Луну и печатал новый рассказ. Издательство не могло нарадоваться. Он быстро стал популярным. Гонорары приносили хорошие деньги, и писатель ушёл из ненавистой газеты. А это чувство, гадкое и тёмное, всё росло, расправляло крылья. Но Адам просто отмахивался от него.

И так он пришёл к последним трём дням. Он увидел себя на балконе в ночь перед тем, как найти перо.

И проснулся.

Так же вскочил и побежал в кабинет. Включил свет и начал писать. Он написал всё, что видел, рассказал всё, что произошло.

И наконец-то понял. Понял, что нужно было сказать на презентации.

Не смейте! вот, что он хотел крикнуть им Не смейте с эти связываться! Никогда и ни за что! Слышите!? Это то, с чем

вы не сможете справиться. Сначала придёт сладкий успех, а потом горькая плата! Никогда не связывайтесь с той стороной и этой дрянью Луной!

Понял он и тот грустный взгляд Светы. Так смотрит человек на любимого, который решил на полной скорости мчаться к своему концу. И он вспомнил те слова, что услышал во сне, перед тем, как Кошмар разорвал его ангела.

Не играй с Тьмой, любимый. Она древнее самого времени, она хитрее. Начав игру, что бы ты ни сделал, она обернёт это против тебя, использует и уничтожит. Любимый. Единственный верный ход, который ты можешь сделать в игре со Тьмой не начинать игру.

Писатель всё писал и писал, и перед тем, как поставить точку, он посмотрел в окно. Там, в холодном свете полной Луны, он увидел Ворона. Того самого, что приходил к нему в каждом его сне, что незаметно наблюдал за ним все эти годы и оставил перо в нужный момент. И в отражении он увидел его. Чёрного человека. Он вышел из густой тени в дальнем углу кабинета и с каждым написанным словом подходил к писателю всё ближе, замахнулся и замер, дожидаясь точки.

Писатель поставил её, в тот же миг расставшись с жизнью. Ворон следил за ними и, дождавшись конца представления, улетел в ночь.

А Луна всё так же светила в ночном небе. Белый глаз всё так же следил за миром и может, кто знает, искал нового проводника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.